

Едва Гун Чэнь с трудом поднялся на ноги, кое-как пригладил растрепавшиеся волосы, оправил одежды и выпрямился, как прямо над его головой раздался голос:

— Господин Гун, вы в порядке?

На первый слух голосок казался звонким и совсем детским, но интонации в нем звучали безжизненно, глухо и тускло — так заученно и сухо просят милостыню украденные торговцами живым товаром дети. От этого звука невольно становилось не по себе.

Гун Чэнь вздрогнул и вскинул голову.

Прямо над ним, вцепившись в свод пещеры четырьмя тонкими конечностями, висело маленькое привидение. В его заостренном ушке покачивалась изумрудная серьга-кафф. Маленький призрак явно изнывал от нетерпения, желая броситься вниз, но все же опасливо косился на защитные талисманы, начертанные на гробу.

Они долго смотрели друг на друга — четыре застывших, неживых глаза.

Призрак склонил голову и зачастил:

— Господин Гун, Цин Ся опоздал.

Цин Ся. Цин Ся.

Стоило этому имени сорваться с бледных губ, как сердце Гун Чэня болезненно сжалось, а в груди, разливаясь по венам к самой голове, вспыхнул яростный, пожирающий огонь.

Надо же... Это действительно был Цин Ся.

Первый призрак, которого когда-то приручил Гун Чэнь.

При жизни Цин Ся натерпелся горя. Его ложно обвинили в краже нефрита и забили насмерть. После кончины он по какой-то причине разминулся с перерождением и превратился в неприкаянного призрака, без цели скитающегося по свету.

Гун Чэнь впервые встретил его, когда тот с тихим сопением усердно жевал чахлую траву, пробивавшуюся сквозь пропитанную могильной иньской сыростью землю.

Гун Чэнь тогда спросил:

— Вкусно?

— Не-а, — отозвался тот.

— Зачем же тогда ешь?

— Вкусно...

Гун Чэнь лишь покачал головой:

— Почему бы тебе не пойти в другое место? Здесь глушь и запустение, даже травы почти нет.

— А отсюда меня никто не прогонит.

— Это еще почему?

— Так ведь это моя могила!

Гун Чэнь без долгих раздумий забрал его с собой.

Позже он спрашивал мальчишку, почему тот так легко, без колебаний пошел за ним. Неужели не побоялся, что встретил злого заклинателя, который причинит вред призраку?

— Боялся, — смущенно опустив голову, пробормотал Цин Ся. — Но... мне показалось, что у господина очень доброе лицо.

Гун Чэнь тогда лишь мягко улыбнулся и пообещал ему:

— Отныне мы вместе будем творить добрые дела и копить благую заслугу. В следующей жизни ты обязательно родишься в благополучной семье. Перед твоим домом будут цвести персики и сливы, под луной тебя всегда будут окружать родные и близкие, и проживешь ты счастливый, беззаботный век.

«Счастливый, беззаботный век»... Какие красивые слова.

А пять лет назад по вине Гун Чэня душа Цин Ся едва не рассеялась навсегда.

Гун Чэнь приложил нечеловеческие усилия, буквально по крупичкам собирая его дух обратно. Призрачный облик удалось восстановить, но путь к перерождению для него закрылся навеки.

Не бывать ему больше человеком. Не видать любящей семьи.

Чем сильнее и именитее заклинатель-экзорцист, тем охотнее он держит при себе послушных призрачных слуг.

Но Гун Чэнь всегда оставался один.

Прогнав Цин Ся, он так и не завел себе другого духа.

От нахлынувшей боли и горьких воспоминаний ноги Гун Чэня подогнулись, и он тяжело опустился на одно колено.

— Господин Гун! — испуганно вскрикнул Цин Ся.

Гун Чэню некогда было раздумывать, как его прежний слуга очутился в Оскверненных землях. Вскинув взгляд, он заметил колышущийся вверху силуэт Сюй Цыаня. Из горла Гун Чэня вырвался мучительный хрип, он сплюнул сгусток черной крови и сквозь силу выдавил из себя хриплый, надтреснутый шепот:

— Беги...

— Беги... скорее!..

Длинные, бледные пальцы Сюй Цыаня уже сомкнулись на загривке Цин Ся. Стоило заклинателю слегка сжать ладонь, и хрупкий дух несчастного мальчишки прекратил бы свое существование.

«Нет!»

«Только не убивай его!»

Глаза Гун Чэня в один миг застелила безумная кровавая пелена. Сердце сковал дикий, удушающий ужас. Он смертельно боялся окончательной гибели Цин Ся, но еще больше страшился того, что палачом его старого друга станет Сюй Цыань. Собрав последние крохи сил, Гун Чэнь рванулся с колен и отчаянно бросился вперед, пытаясь перехватить руку Сюй Цыаня.

— Господин Гун, да погодите вы, на самом деле... — затараторил Цин Ся, пытаясь объяснить.

Но было поздно: разъяренным тигром Гун Чэнь уже налетел на Сюй Цыаня, со всего маху врезавшись в его грудь.

Сюй Цыань даже не шелохнулся.

Цин Ся ошарашенно захлопал глазами и закончил фразу:

— Молодой господин Сюй хороший! Это он привел меня к вам.

Гун Чэнь:

—...

У него раскалывалась голова.

«Цин Ся, ну что же ты за наказание...» — мысленно взвыл Гун Чэнь, поспешно отступая назад на несколько шагов.

Разве о таких вещах не предупреждают заранее?! Он только что безрассудно набросился на человека. И пускай в мыслях у него не было ничего предосудительного, со стороны это выглядело... боги, какая неловкость! Что за непотребство?!

Сюй Цыань опасно прищурился. Каждое его слово падало, точно ледяная капля:

— Значит, меня ты не помнишь, а этого замухрышку признал сразу?

Существуют люди, которые умудряются сохранять надменное превосходство даже в ярости. Прежде чем дать волю гневу, они обязательно со значением прищуривают глаза — дабы окружающие уразумели масштаб угрозы и заблаговременно затрепетали от страха.

Гун Чэнь виновато втянул голову в плечи.

— Полагал, я собираюсь развеять его по ветру?

Гун Чэнь опустил голову еще ниже, готовый сквозь землю провалиться.

— И даже решил пойти на меня войной? — голос Сюй Цыаня упал до леденящего шепота, сочащегося глухой, подавляемой угрозой. В его бледно-фиолетовых глазах застыл колючий холод.

Гун Чэнь сгорал от стыда. Не в силах выносить этот взор, он безмолвно отвернулся.

— Молодой господин Сюй... — Цин Ся, так и болтавшийся в воздухе, попытался выступить миротворцем и с сочувствием пролепетал: — Но ведь господин Гун харкает кровью...

— А ты еще поболтай мне тут!

Сюй Цыань бесцеремонно вздернул призрака за шкурку на уровень своих глаз. В его взгляде вспыхнула неприкрытая свирепость:

— И по чьей же вине, спрашивается? Не из-за твоего ли внезапного появления он расхворался?! Я пять лет назад сохранил тебе жизнь, а ты так отплатил за доброту? Стоило мне отлучиться на мгновение...

— Молодой господин Сюй... — кончики ушей Цин Ся испуганно затрепетали, но он все же набрался смелости прервать чужую тираду: — Вообще-то, ему могло стать дурно и из-за встречи с вами.

Сюй Цыань, не успевший остыть, взвился:

— Что?! Ты еще и меня обвиняешь?!

— Вовсе нет, — прошептал Цин Ся. — Просто с тех самых пор, как вы покинули гроб, господин Гун сам не свой. Он пошел следом, сорвался с кручи, и я показался только потому, что безумно за него испугался.

Сюй Цыань впери́л в призрака испепеляющий взгляд.

— Вы... не могли бы получше повспоминать? Может, вы с господином Гуном натворили чего-нибудь эдакого в гробу?

— Чего «эдакого»?! Что вообще можно натворить в гробу?! — лицо Сюй Цыаня пошло пятнами — то бледнея, то заливаясь краской. Одним резким движением он швырнул докучливого духа в сторону выхода: — Проваливай на улицу и карауль там!

— Молодой господин Сюй, ну за что вы так со мной... — запричитал Цин Ся, улета́я прочь. Его жалобный голосок становился все тише, пока окончательно не растаял в темноте пещеры: — Я ведь просто хотел побыть поближе к господину Гуну...

Пожалуй, только такой по-детски простодушный дух, как Цин Ся, мог бесхитростно и открыто заявлять о желании «побыть поближе», совершенно не ведая стыда.

Сюй Цыань глубоко вдохнул, пытаясь совладать с раздражением, и с мрачным видом обернулся к Гун Чэню. Ему действительно хотелось понять, с какого перепугу тот харкает кровью!

Но стоило заклинателю взглянуть на своего спутника, как Гун Чэнь прямо у него на глазах согнулся и выплюнул новую порцию крови.

Черная, со сгустками багрянца. Она рассыпалась по пыльной земле и потекла по его одежаниям, напоминая узоры опадающей темной сливы.

Взгляд Сюй Цыаня дрогнул. Не успел он сделать и шага, чтобы осмотреть раненого, как Гун Чэнь, утерев рукавом рот, порывисто подался вперед и крепко, без лишних слов, обнял его за талию.

Тело Сюй Цыаня в то же мгновение окаменело.

Медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление, Сюй Цыань занес руки и опустил ладони на плечи Гун Чэня. Он намеревался оттолкнуть наглеца, но пальцы так и не сжались. Он попытался снова — и опять замер в нерешительности.

Гун Чэнь не заметил его колебаний. Он лишь крепче прижался к заклинателю. В его голове стоял глухой гул, а в мыслях билась одна единственная, бесконечно искренняя благодарность:

«Спасибо...»

«Спасибо тебе за то, что спас Цин Ся».

Гун Чэнь никогда не жалел о том, что прогнал призрака.

И все же то решение осталось одним из самых болезненных шрамов на его душе.

В последующие годы он часто вспоминал плачущего мальчишку, умолявшего: «Пожалуйста, не бросайте меня!» — и свой собственный холодный, безразличный взор, жестокие слова, которыми он гнал Цин Ся прочь, велел никогда больше не попадаться на глаза.

Тогда Гун Чэнь во второй раз в жизни познал, как невыносимо тяжело бывает лгать вопреки собственному сердцу.

Сгустки черной крови, без сомнения, были застоявшимся ядом. Избавиться от них для истощенного тела Гун Чэня было благом... пускай и весьма относительным.

Его сердце теперь билось в собственном, совершенно непредсказуемом ритме: то совершало глухой толчок раз в минуту, то замирало на долгие часы. Столь хаотичная жизнь угасшей плоти не могла не внушать опасений.

Кэ Суй почему-то не выходил на связь — то ли у целителя возникли непредвиденные

трудности, то ли мешали внешние преграды. Гун Чэнь не мог сообщить ему о своем местонахождении, отчего на душе становилось лишь тревожнее.

К тому же... они покинули пределы Оскверненных земель.

Доброй вестью было то, что путь их лежал в Ланьчэн — владения ордена Цинь. В этом городе Гун Чэнь как раз планировал разузнать кое-какие важные сведения.

Плохой же вестью... был сам Ланьчэн.

Разумеется, Гун Чэнь не считал себя злодеем вселенского масштаба, однако в Ланьчэне его имя знали все от мала до велика. Пускай выдающимся заклинателем он никогда не слыл, но излюбленной темой для сплетен оставался неизменно.

Он прикинул: на каждые три шага по оживленным улицам обязательно приходилось помянутое все его имя. Суждения горожан сводились в основном к двум суждениям.

— Ах, какая жуткая смерть! — шептались одни. — Говорят, родной брат нанес ему больше сорока ножевых ранений. Кровищи-то было... Страх господень, живого места не осталось!

— Туда ему и дорога! — злорадствовали другие. — Мерзавец спелся с нечистью из Царства призраков и первым делом натравил тварей на родной Ланьчэн. Ни стыда, ни совести у подлеца, собаке — собачья смерть!

— И все же погубили его безвинно...

Ого. А вот это мнение выбивалось из общего хора. Гун Чэнь пониже надвинул бамбуковую доули и осторожно приблизился к переполненной чайной лавке, решив послушать, о чем толкует народ.

К его великому удивлению, рассказчиком оказался мальчуган лет двенадцати в синих одеждах книгоноши. Взобравшись на скамью, ребенок вещал с на редкость серьезным лицом.

— И в чем же его невиновность? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Во-первых! — мальчик важно поднял указательный палец и заговорил звонким детским голосом: — Гун Чэнь рос сиротой в беспросветной нищете. Он просил милостыню на улицах Ланьчэна и дрался за объедки с бродячими собаками. Позвольте спросить вас, уважаемые слушатели: будь вы на его месте, возлюбили бы вы этот город?

Слушатели согласно зашумели.

— То-то и оно! Наверняка возненавидели бы всей душой! А что сделал Гун Чэнь, когда достиг величия? Он на собственные средства восстановил все обветшалые и заброшенные храмы в округе Ланьчэна. Благодаря его щедрости сотни сирот получили кров, пищу и образование. Как зовется подобное деяние? Истинным благородством и великим милосердием!

— Разве мог столь благородный муж впустить в родные края свирепых призраков и обречь невинных на погибель?.. Почтенные господа, что же вы стоите в дверях? Проходите, присаживайтесь, свежий чай уже заварен! Что вы говорите? Золотой за чашку — грабеж? Ну так ступайте мимо, не загораживайте проход другим гостям... Так, на чем я остановился? Ах да, с «во-первых» мы закончили.

— Перейдем к «во-вторых»...

И хотя большинство присутствующих были возмущены подобным обелением «предателя» и считали рассказы вздором, любопытство взяло верх — всем не терпелось узнать, какую еще нелепицу сочинит малолетний зазывала.

За считанные мгновения чайная наполнилась до отказа. Хозяева заведения довольно потирали руки: золото текло к ним рекой.

У Гун Чэня невольно дернулся уголок губ.

Стоило ему развернуться, чтобы уйти, как за спиной раздались испуганные крики и грохот бьющейся посуды.

— Милостивый государь, вы что творите?!

— Постыдились бы на ребенка с оружием кидаться!

Видимо, у кого-то из посетителей лопнуло терпение. Рассвирепевший гость выхватил меч и одним точным ударом разнес стол в щепки.

— Благородный господин, вы вольны не соглашаться с моими доводами, но распускать руки — последнее дело, — ничуть не растерявшись, мальчишка ловко вытащил откуда-то деревянные счета и усердно защелкал костяшками. — Итак! Чайный столик из восьми драгоценностей и глазури работы мастера Мэнлани — одна штука, стоимость восемьсот пятьдесят девять золотых. Чашки для дегустации чая из фарфора цвета бараньего жира — три штуки, сорок пять золотых...

— Что?! Восемьсот золотых за паршивую деревяшку?! Вы в своем Ланьчэне совсем рассудок потеряли? Почему бы вам сразу не заняться разбоем на дорогах?!

— Уважаемый господин, у вас, верно, память девичья. Столик этот не был паршивым, пока вы

не изволили развалить его надвое своим клинком! Ой-ой-ой, почтенная публика, смотрите, заезжий вельможа сироту обижает! Проходите, присаживайтесь, представление только начинается, свободные места еще есть!

Наблюдая за этим балаганом, Гун Чэнь поддался искушению и украдкой оглянулся на виновника переполоха.

И тут же горько пожалел о своем любопытстве.

Разгневанный заклинатель в этот самый миг посмотрел в его сторону.

Ярость на лице Дуань Циня внезапно сменилась ошеломлением.

Его темные, как антрацит, глаза намертво впились в фигуру у двери.

Гун Чэнь:

—...

— Стоять!!!

Заметив, что подозрительный незнакомец бросился наутек, Дуань Цинь взревел раненым зверем и, словно голодный пес, почуявший добычу, ринулся в погоню.

Лишь благодаря искусному наведенному мороку Сюй Цыаня прохожие не шарахались в стороны — иначе зрелище спасающегося бегством полуразложившегося мертвеца наделало бы немало шума на торговой площади Ланьчэна.

«Беда, беда, беда!»

Гун Чэнь, хоть и превосходил в скорости безмозглых мертвяков из Оскверненных земель, тягаться с разъяренным заклинателем уровня Дуань Циня никак не мог.

Острый порыв ветра от взмаха чужого меча настиг его со спины, сбив с ног прямо в дорожную пыль. Дуань Цинь уже протянул руку, намереваясь сорвать с беглеца бамбуковую шляпу, как вдруг между ними вырос нежданный спаситель.

Молодой человек в роскошных лазоревых одеждах и щегольских черных сапогах преградил преследователю путь. Каждая деталь его убора — от изящных подвесок до драгоценных ножен — так и лучилась богатством. На его губах играла безмятежная, вежливая улыбка.

— Цинь Юй? Проваливай с дороги, — процедил Дуань Цинь, даже не пытаясь скрыть брезгливость при виде новоприбывшего.

— Уступлю с радостью, — Цинь Юй с сухим стуком захлопнул белый нефритовый веер и наставил его на оппонента. — Но сперва изволь вернуть долг.

— Да когда это я успел тебе задолжать... — Дуань Цинь осекся и выругался: — Погоди. Так эта лавка — твоя?!

— Не совсем, — мягко поправил Цинь Юй. — Она принадлежит моему клану.

Лицо Дуань Циня потемнело от злости. Сорвав с пояса кошель с монетами, он швырнул его под ноги сопернику:

— Здесь все, что у меня есть. Остальное запиши на мой счет, отдам позже.

— Какая жалость, — Цинь Юй со снисходительной усмешкой взвесил кошель на ладони. — Между нами нет и тени доверия, чтобы я позволял тебе копить долги. Прежде я мог бы записать эту сумму на счет твоего старшего брата...

Он сделал нарочитую паузу, заглядывая Дуань Циню в глаза:

— Но увы, твоего почтенного брата больше нет в живых. Позволь полюбопытствовать: чье же имя мне теперь вписать в долговую книгу?

— Можешь записать на его имя! А я помогу тебе поскорее отправиться к нему на тот свет и лично требовать долг! — взбешенный намеком Дуань Цинь с яростным криком обрушил свой клинок на наглеца.

Цинь Юй лишь презрительно фыркнул и ленивым жестом выставил веер против меча. Обменявшись парой стремительных ударов и убедившись, что беглец в бамбуковой шляпе успел благополучно затеряться в толпе, он резко отступил на шаг и вновь раскрыл веер, небрежно обмахиваясь.

Из переулков мгновенно скользнули несколько молчаливых теней в синих одеждах — личные стражи из клана Цинь.

Цинь Юй брезгливо бросил поврежденный веер стоявшему рядом мальчишке-зазывале. Тот с поклоном принял испорченную вещь и тут же услужливо протянул господину сменную.

Цинь Юй с легким шорохом расмахнул свежий шелк и бросил на ходу уходящим стражникам:

— Заберите у него все ценное в счет уплаты. На недостачу выпишите бумагу и отправьте в поместье Дуань.

Пока на площади звенели клинки, Гун Чэня цепко ухватили за шиворот и без лишних церемоний затащили в ближайший постоялый двор.

— Добро пожаловать, почтенные господа! Чего изво...

— Лучшую комнату, — ледяной голос оборвал лепет трактирщика.

На прилавок со звоном опустился тяжелый золотой слиток, и Сюй Цыань поволок безвольного спутника вверх по деревянной лестнице.

Дверь за ними захлопнулась с глухим стуком. В комнате воцарилась гнетущая тишина.

Гун Чэнь уселся на невысокую кушетку, обхватив руками колени, и осторожно, из-под опущенных ресниц, глянул на Сюй Цыаня.

«Неужто и впрямь разозлился?»

— Господин Гун, ну надо же! Такой взрослый, а умудрился потеряться в толпе! — из дощатой стены соткался Цин Ся. Уперев руки в бока, он принялся отчитывать хозяина с самым назидательным видом.

Теперь на Гун Чэня сурово взирали двое — грозный заклинатель и крошечный призрак.

Почувствовав укол совести, Гун Чэнь поспешно отвел глаза и принялся ковырять пальцем незатянувшуюся ранку на тыльной стороне ладони.

У него с прошлых лет осталась скверная привычка: едва на душе становилось беспокойно, пальцы сами тянулись что-нибудь ковырять или вертеть в руках.

Конечно, он виноват, что не дождался Сюй Цыаня на месте. Но ведь улицы Ланьчэна так запружены народом! Неудивительно, что калека вроде него отстал в этой сутолоке.

Гун Чэнь ковырял рану до тех пор, пока под ногтями не скопилась темная мертвая кровь. Боли он почти не чувствовал — рана лишь неприятно зудела.

— Вы опять за свое! Совершенно не бережете себя! — точь-в-точь как пять лет назад, сердито

воскликнул Цин Ся.

Сюй Цыань не проронил ни слова. С каменным лицом он извлек из-под полы халата длинный сверток и неторопливо развернул его на деревянном столе.

Гун Чэнь скосил глаза, силясь разглядеть содержимое.

В следующий миг его душу пронзил такой неподдельный ужас, что он готов был немедленно выброситься в окно, бежать без оглядки обратно в Оскверненные земли и собственноручно заколотить крышку своего гроба.

Металл зловеще блеснул в полумраке комнаты.

На ткани аккуратным рядком лежали длинные, тонкие и невероятно острые иглы успокоения души.

<http://bllate.org/book/20729/2106411>